

Глава 14

Подвергшись сокрушительной атаке собственного стыда, Фу Лин, чей период юношеского максимализма давно остался в прошлом, готов был сквозь землю провалиться. Его щеки горели от неловкости, а единственным желанием было отвесить Ниденаге такого тумака, чтобы у того случилась мгновенная амнезия, и этот позор навсегда стерся из истории.

Ниденага, впрочем, тонко почувствовал его состояние и не стал развивать успех. Он лишь разок поддразнил соседа, словно невзначай, а затем с невозмутимым видом выключил свет и, притянув табурет к центру комнаты, принялся за баоцзы.

У булочек из столовой был специфический, узнаваемый вкус: тесто явно подвергалось глубокой заморозке, а мясная начинка не баловала свежестью. Но для западного дракона, привыкшего к сырому мясу и обугленным на костре тушам, кулинарные изыски Востока казались истинным гастрономическим раем. Сосед ел с таким упоением, будто каждый кусок был благословением небес. К приему пищи он относился с величайшей страстью.

Умывшись и немного придя в себя, Фу Лин вернулся в комнату. Он замер у стола, словно привидение, и, откусив кусочек своей порции, не удержался от комментария:

— Ты ешь так, словно не видел еды восемьсот лет. Гляди, разоришь нашу столовую.

Тот расправился с очередным баоцзы и довольно прищурился. Его алый язык скользнул по губам, слизывая капли мясного сока.

— Вкусно, — коротко бросил он, и в его голосе прозвучало искреннее наслаждение.

— Даже лучше золота? — съязвил Фу Лин. — Хотя вкус всё тот же — классический общепит из морозилки.

— Это другое, — возразил дракон, принимаясь за жареные баклажаны.

Аромат фритюра наполнил комнату. Сосед сидел в самом центре, небрежно вытянув свои бесконечные ноги, так что Фу Лину приходилось буквально перешагивать через него, чтобы пройти.

Стоило студенту занести ногу над этим препятствием, как Ниденага вскинул голову. Его золотистые глаза замерли на Фу Лине, и в них отразилось странное довольство — словно вид соседа был лучшей приправой к завтраку. Дракон еще раз счастливо куснул баклажан.

«Золото!»

Его личное, живое сокровище было рядом, и Ниденага с превеликим удовольствием доел всё, к чему Фу Лин даже не прикоснулся.

Обычно он покидал общежитие в шесть утра. Он нарезал круги по стадиону, а затем методично обходил обе столовые, стараясь успеть к самому открытию, когда еда еще пышет жаром. Свежее соевое молоко из второй столовой, хрустящие блинчики-цзяньбин из первой и, конечно, рисовые рулеты-чанфэнь со второго этажа — тонкие, пропитанные густым соусом с грибами и фаршем. Красота, да и только.

Фу Лин с удовольствием отхлебнул из стакана и издал блаженный вздох:

— Хорош, брат! Не забуду твоей доброты. Завтра хочу чанфэнь и еще порцию их молока.

Сосед повел носом, улавливая аромат напитка, и бросил на юношу косой взгляд:

— В той лавке молоко разбавляют водой.

Фу Лин замер с открытым ртом.

— Ты даже такие вещи чувствуешь? — Он удивленно округлил глаза, глядя на этого гастрономического варвара. Трудно было представить, что при такой жадности к еде тот способен на подобные тонкости.

— Не чувствую. Видел, как наливают, — невозмутимо ответил Ниденага.

— Да ладно, — отмахнулся Фу Лин. — Больше грязи — шире морда. Главное, что оно сладкое и без комочков.

Дракон показал жест «ОК», давая понять, что заказ принят.

Фу Лин невольно улыбнулся, подумав, что этот иностранец окончательно подстроился под его привычки. Он выудил из стопки учебники и лениво зевнул:

— Зря вчера пили. Говорят, от алкоголя спишь как убитый, а я теперь бодрый как огурчик, хоть и проспал всего пару часов.

Ниденага долго и молча смотрел на него, после чего выдал:

— Больше не пей.

Фу Лин оскалился в фальшивой улыбке:

— А ну молчать!

— Решил, что у меня выдержка плохая? Просто практики мало. Вот потренируюсь... Ха! Какое-то там пиво, да я его одной левой одолею!

Он задорно вскинул голову. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тонкие занавески, рассыпался по его лицу яркими искрами. В этот миг Фу Лин казался воплощением юности и дерзости.

Сосед замер. Он осторожно потянул юношу за край одежды и, оставаясь сидеть, посмотрел на него снизу вверх своими сияющими глазами. Фу Лин вопросительно изогнул бровь. Дракон долго подбирал слова, пока наконец не вымолвил:

— Это вредно для здоровья. Не тренируй это.

«Ты же совсем не умеешь пить! Где это видано, чтобы драконы пьянели от газировки с градусом?»

Фу Лин в сердцах засопел, едва сдерживаясь, чтобы не огреть соседа учебником.

— Всё, — фыркнул он, — я ухожу на пары один. А ты проваливай в кровать и дрыхни дальше!

Он с грохотом захлопнул дверь, оставив Ниденагу в задумчивости. Тот еще раз сверился с расписанием и окончательно убедился: утром у него занятий нет.

Получалось, что «золотой дракончик» бросил самую грозную угрозу, но совершил самый милый поступок — просто дал ему выспаться. Дракон издал неопределенный звук, а спустя мгновение в тишине комнаты раздался его тихий смех.

***

Утренняя пара Фу Лина — английский у господина Дональда. У Ниденаги и других студентов по обмену была своя программа по китайскому языку, назначенная на вторую половину дня, как раз перед лекцией по «Иностранной фольклористике».

Господин Дональд был приглашенным иностранным специалистом. В его обязанности входило не только преподавание фольклора на филологическом факультете, но и кураторство над особыми студентами. Он следил за всем: от соблюдения режима до их адаптации в человеческом обществе.

В современном мире, где люди и духи сосуществуют под эгидой политики национального единства и глобальной интеграции, Китай радушно принял множество представителей иных рас. Студенты по обмену обучались в университете Шаньхай, чтобы со временем помочь своим

сородичам органично вписаться в мир людей.

Ради этой великой цели — гармонии между народами — куратор в свое время решительно оставил пост архиепископа и прибыл сюда. Тогда он был молод, полон энтузиазма и бесконечного терпения.

А теперь...

Голос преподавателя резал слух, подобно ледяному ветру:

— Черты! Последовательность черт! Сколько раз повторять: не путайте порядок!

— Это и-е-иероглиф «баран»! Баран, а не заклинание превращения в барана! Боже мой! Как вы собираетесь выживать в этом суровом мире?

— Общество беспощадно, а вы даже учителя на уроке понять не можете! Вам не стыдно? Ты, кентавр! А ну убери копыта с парты!

— Писать нужно руками, а не выдирать перья у соседа! Неужели нельзя брать пример с господина Ниденаги?

Студенты зашептались:

— Так он же дракон! Если он начнет активно двигаться, тут всё рухнет. К тому же у него гортань от природы по-другому устроена...

— Слушайте, а русалкам не проще этот язык учить?

— Мне кажется, эльфам дается легче.

— Тишина! Молчать!

Видя, что класс не унимается, господин Дональд со свистом взмахнул указкой. Его взгляд метал молнии.

— Шумите? Ну, давайте, продолжайте. Я подожду. Каждая минута вашего галдежа — это минута, украденная у вашего же будущего. Мне-то что, время мое идет.

В аудитории воцарилась гробовая тишина. Далеко не каждый монстр рискнул бы перечить вышедшему из себя четырехкрылому Херувиму. Кентавр покорно опустил копыта, а кобольд лишь горестно вздохнул, выпустив облачко пара.

Спустя две мучительные пары Ангел выглядел совершенно истощенным, но на его лице застыла вежливая, едва ли не вымученная улыбка.

— Со следующего занятия не уходим. К нам присоединятся человеческие группы для изучения иностранной фольклористики. Всем спрятать свои... особенности. Кто проявит нечеловеческие черты — пеняйте на себя, баллы сниму без жалости!

Он захлопнул книгу так, что звук эхом отразился от стен, и окинул присутствующих угрожающим взглядом.

Чудовища замерли. Ниденага же просто смотрел в пустоту, отрешившись от реальности.

***

Наступила большая перемена. Аудитория наполнилась гулом: одни студенты уходили, другие занимали места.

Рядом с драконом, который последние два часа пребывал в состоянии глубокой медитации, внезапно опустилась книга. Фу Лин, успевший вздремнуть и захватить учебник для соседа, лениво опустился на стул.

— Ну, чему вас научили на китайском? — спросил он, щурясь от остатков сна.

Ниденага бросил взгляд на свой учебник, испещренный каракулями, напоминающими не то иероглифы, не то тайные знаки, и спокойно закрыл его:

— Смотрели, как поет Херувим.

Фу Лин поперхнулся:

— В смысле? Учили китайские песни?

Он выудил из кармана наушники и один из них вставил в ухо другу.

— Лучше послушай моё.

Из динамика полились звуки кантонской поп-музыки — меланхоличный голос выпевал пронзительные, обжигающие строки:

«Пусть рухнет небо, пусть лёд скует вершины — мы встретим это вместе.

В пучине моря, израненные, мы продолжим любить.

В глубине ущелья, обнявшись, мы встретим судьбу.

Пусть рушатся горы — я буду целовать тебя, сжимая твои плечи.

В слезах, но крепко держась друг за друга, не зная страха...»

Фу Лин негромко подпел:

— Свистят пули, словно праздничный фейерверк... Капризы судьбы — не слаще ли они любви? Одержимо любить, спасаясь от канонады...

На кафедре господин Дональд менял учебные пособия. Повернувшись к вошедшим студентам-людям, он явил миру самую терпеливую и доброжелательную улыбку.

— Друзья, сегодня мы приступаем к изучению английского фольклора. Наша тема — баллада «Кто убил малиновку».

— Те, кто в наушниках, пожалуйста, снимите их. Всего два часа внимания. Мой предмет несложно сдать, но без посещения лекций это будет затруднительно. Надеюсь на ваше благоразумие.

Учитель обвел аудиторию взглядом. Столкнувшись с ним глазами, Фу Лин ощутил ту самую ауру «грозного завуча», от которой по спине пробежал холодок. Он вздрогнул и поспешно спрятал наушники.

Выпрямившись, он незаметно пнул застывшего соседа, призывая того принять подобающий вид.

Господин Дональд глубоко вздохнул и, глядя на прилежных человеческих студентов, почувствовал облегчение.

«Слава Господу, хоть здесь есть нормальные ученики. А эти несносные монстры... Какое испытание — пытаться их обуздать»

Он открыл книгу, ощущая себя беглецом, добравшимся до безопасной гавани. В то же время «монстры», которых он распекал последние два часа, тоже перевели дух.

«Слава небесам, этот Херувим наконец-то успокоился... В гневе он просто невыносим!»

<http://bllate.org/book/15864/1435221>